

Наталья Дранникова Фольклорная экспедиция в село Зимняя Золотица¹

С 1 по 13 июля 2001 года на территории села Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области работала фольклорная экспедиция Поморского государственного университета имени М.В.Ломоносова (далее – Поморский университет). В экспедиции принимали участие студенты С.Глазачева, В.Кандыбо, К.Ловкова, А.Меньшиков, Т.Минина, О.Пинисова, Д.Симаков. Руководила экспедицией доцент Поморского государственного университета Н.В.Дранникова. Материалы экспедиции находятся в лаборатории фольклора (П.№ 354 – 355. 330 листов). Во время экспедиции производилась аудио- и видеосъемка. Для этого использовались диктофоны и цифровая видеокамера «Sony».

Село Зимняя Золотица расположено на Зимнем берегу Белого моря и состоит из двух населенных пунктов, Нижней и Верхней Золотицы. Впервые Золотица стала известна благодаря публикациям былин, записанных священником В. Розановым и опубликованных в знаменитом издании П.С.Ефименко¹ (1878).

Широкую известность Золотица приобрела после экспедиций А.В.Маркова (1898, 1899, 1901) и выхода книги «Беломорские былины»². Благодаря А.В.Маркову стали известны имена таких сказителей, как А.М., Г.С. и М.С.Крюковы, Ф.Т.Пономарев. В 1930 – 1950 годы XX века в Золотице работают советские фольклористы В.П.Чужимов, Э.Г.Бородина-Морозова, Р.С.Липец, А.М.Астахова³ и др.

Таким образом, для науки Золотица имела особенное значение, но в последние десятилетия она выпала из поля зрения фольклористов.

Золотица традиционно считается местом, где были распространены былины. Участники экспедиции проживали в Нижней Золотице. Необходимо отметить трудности передвижения между деревнями. Верхняя Золотица находится в десяти километрах за одноименной рекой, которая в своем устье достигает километра. Так как регулярной переправы не было, то приходилось заранее договариваться с лодкой. На территории сельсовета закончилось горючее, поэтому машины в Верхнюю Золотицу не ходили, – приходилось добираться пешком за десять километров по песчаной дороге. По этим объективным причинам лучше обследованной оказалась нижнезолотицкая фольклорная традиция.

Перед нами стояла задача – зафиксировать современное состояние эпической традиции. Было проведено сплошное обследование села и опрошено сорок информантов. Каждому мы задавали вопрос: «Помнит ли он старины (былины)?» Ответы были типичными: сам исполнитель не помнит былин, но некоторые информанты 60-80 лет отвечали, что помнили исполнение былин своими родственниками (*«тетя пела», «дед рассказывал», «бабушка знала»*). Приведем воспоминание А.И.Точилова, 1921 г. р., д. Верхняя Золотица:

Была сказительницей одна моя родственница – Мария Сергеевна Точилова, училась в скитах (имеется в виду староверческий Ануфриевский скит по реке Койде Мезенского уезда, в ста километрах от Золотицы⁴. – Н.Д.). Брат отца рассказывал былины.

(П. 354. Л. 299)

Единственный житель Верхней Золотицы М.И.Таратин, 1941 г. р., вспомнил, что существовали былины *«о Василии Селяниновиче, Святогоре-богатыре, Алёше Поповиче»*. Названные имена восходят к былинам «Алеша, переодевшись каликою, убивает Тугарина» (Марков, №47),

«Василий Богуслаевич» (Марков, №52), «Святогор и Илья Муромец» (Марков, №61), «Алеша освобождает из плена сестру» (Марков, №64) и др. От него же удалось записать поговорку, доказывающую бытование здесь былин *«Вольный характер как Алёша Попович»*, пояснил: *«Молодой залихватский парень. Позднее называли как ухари»*. Поговорка восходит к сюжету былины «Петровичи-Сбродовичи». В свадебной песне «На горке деревце» встретились эпическая образность:

На горке деревце да высоконько выросло,
Да тополями обросло, **чёрными кунами** расцвело...

(П. 354. Л. 44) (выделено нами – Н. Д.)

¹ Экспедиция была предпринята в связи со 125-летием (2001) со дня рождения сказительницы М. С. Крюковой, уроженки Приморского района Архангельской области.

Таким образом, о былинах сохранились лишь глухие воспоминания и отдельные эпические формулы в других жанрах фольклора. Знание былин ушло с отцами и дедами современных информантов, родившихся в 10 – 30-х годах XX века.

Гораздо лучше сохранились воспоминания об исполнении новин М.С.Крюковой. Сама она называла свои сочинения *«пропеваньями»*. Приведём одно из типичных воспоминаний.

Я помню Крюковой семидесятилетие. Я помню это в 1946 году... Она всё в сарафане была.

<А домотканые сарафаны были?>

Нет, у неё всё современные. Она ведь былин много знала. Сочинила вот четырёхстишие. Я уж это пожизненно запомнила, а мне всего 9 лет было. Вот она, значит, рассказывала:

Как у синего моря у Белого
Вот уж ожили моря северные,
Народ северный как от старого до малого всё развеселился.
Сколько раз она повторяла это.

(П. 354. Л. 297. д. Нижняя Золотица. П. С. Херувимова, 1937 г. р.)

В памяти жителей Золотицы М.С.Крюкова осталась не как исполнитель былин, а как своеобразный поэт.

Мы опросили жителей Золотицы, знавших М.С.Крюкову (в этот период большинство из них были детьми или подростками или же слышали воспоминания от своих родителей о М.С.). Выяснилось противоречивое отношение местных жителей к Крюковой. С одной стороны, её гордились, с другой – недолюбливали. Приведём одно из свидетельств.

Марфа вела праздную жизнь. Сама сочиняла былины. Пела – растягивала. Ничем не занималась. Марфа бездельем занималась, поэтому и замуж не брали. Всё на книгах сидела.

(П. 354. Л. 300)

Её образ жизни противоречил привычным представлениям о женщине-поморке.

Удалось узнать мало известные факты биографии М.С.Крюковой. До того, как состоялась её встреча в 1934 году с руководителем Северного народного хора А.Я.Колотиловой, она какое-то время работала *пушником* (кушник – человек, выполняющий черновую работу, обычно на станциях. – Н.Д.) на Вепревском маяке неподалеку от Золотицы по пути в Архангельск (А.И.Точилов, 1921 г. р., Верхняя Золотица). По свидетельству жителей Нижней Золотицы, до 1934 года жила в крайней нищете и вместе со своей младшей незамужней сестрой Серафимой вынуждена была просить милостыню (А.В.Голубина, 1924 г. р.).

Из эпических произведений были записаны две исторические песни, относящиеся к XVIII веку. В двух вариантах найдена нами песня «По дорожке да по Московскую» (Поход на шведскую границу⁵). Один из её вариантов подвергся лиризации. После каждой строки в нем повторяется куплет «Аи, люли, люли», что свидетельствует о трансформации эпической песни в хороводную и её близости к весенней обрядовой поэзии. Сюжет второй песни «Ты не стой на горе крутой» близок песне «Молодец тужит о доме» (в эпосоведении ее относят к русско-шведской войне 1741 – 1743 гг.⁶). Песня записана нами как рекрутская.

Зафиксировано 47 лирических песен. Среди них редко встречающаяся частая песня «Ты голубчик наш Касьян» о дне Касьяна (29 февраля). Вариант этой песни был опубликован Н.П.Леонтьевым⁷ в 1939 году. А также – архаичная игровая песня «Из-под кустышка олень». Ее анализу посвящена статья Т.А.Бернштам⁸. Нами сделан вывод о близости зимнезолотицкой песенной традиции печорской и мезенской.

Во время сбора материала наряду с опросом о знании былинной традиции мы также пользовались безотборочным методом записи. Удалось записать большой материал об обрядах жизненного цикла человека. Хорошо сохранился свадебный обряд⁹. Золотицкая свадьба является одним из вариантов поморской свадьбы. Свадьба шла 4–7 дней. Она состояла из следующих этапов: *сватовства, богомолья, смотренья, невестиной бани, почестья, расшивания банника, разгонной вечорки, шутовской/холодной бани.*

Во время сватовства сваты традиционно останавливались под матицей. Всеми исполнителями отмечается обычай мазать сватов глиной в случае получения отказа. Богомолье представляет собой окончательный договор родителей жениха и невесты о свадьбе, идентично в нашем понимании помолвке. На свадьбу приглашались женщины, хорошо знающие причитания – *плачевицы, плачеи* – и помогающие невесте причитать. На свадьбе был тысяцкий. Им являлся *купельный крестный* жениха (см. ниже).

В довенчальном цикле выделяется шитье приданого невестой и ее подругами. *Смотренье, смотрины* – гуляния в доме невесты перед праздничным пиром. Невестина баня – мытьё невесты подругами. В доме невесты изготовлялся *банник*. В скатерть заворачивали подарки невесты родне жениха, буханки белого и черного хлеба, сверху клалась солонка (*солоничка*) и икона. Зашивала банник мать невесты. Во время зашивания *банника* причитали (*приплакивали*). Приведем причитание полностью, т. к. оно сюжетно очень близко виноградию и содержит в себе эпические мотивы.

На первом углу зашивала ясный месяц-то со звездами;
На втором углу зашивала Божью церковь-то со крестами;
На третьем углу зашивала синё морюшко со волнами,
С судами, с пароходами...
На середочке зашивала распривольную мою волюшку,
Раскрасу мою развеликую – девью жизнь да беспечальную¹⁰.

(П. 354. Л. 34. д. Верхняя Золотица. У. М. Чекалёва, 1917 г. р.).

На следующий день происходил пир в доме невесты, затем – венчание или запись. Приданое невесты и *банник* везли *перинишки*. В доме жениха они трижды перетряхивали перины жениха и невесты так, чтобы перина жениха была наверху. Затем шло *почестье* – свадебный пир в доме жениха. После него происходило *расшивание банника*, далее – *разгонная вечорка*. Наши материалы о разгонной вечорке не совпадают с материалами Т.А.Бернштам¹¹. По ее свидетельству, *разгонная вечорка* – собрание молодых парней в доме жениха накануне свадьбы. По нашим записям, *разгонная вечорка* – завершающий этап *почестья*. На ней молодых ставили на шубу, вывернутую мехом кверху и читали специальный заговор.

На следующий день шли *бужение* молодых, испытание молодой (для этого разбрасывали гагичий пух, который она должна была собрать). В этот же день ряженные в сарафаны шафера /дружки «топили» холодную баню, делали вид, что носят на коромыслах воду, напускали в бане дым. Затем происходило испытание молодой. Она должна была незаметно пронести воду в баню и смочить голову мужу. Считалось, что только в этом случае жизнь молодоженов сложится.

Хорошо сохранилась похоронная обрядность¹². Из всех актов похоронного обряда отмечаем недостаточно известный обычай ставить после смерти в красный / Божий угол камень и веник.

<Говорят, что в угол веник ставят?>

Да, веник ставят. А потом этот веник сжигается.

<Как долго веник стоит?>

Вот когда уносят тело, повезут хоронить. Другие люди приходят, ну которые обед варят, всё убирают, столы ставят и веник в печку. И печку растопляют, разжигают веником. Веником всё выметут. Лёд вынесут и этим веником это место выметут и потом сжигают. Вот за столом место есть, где стоит на тарелке стопка и чёрный хлеб в том месте. В углу камень, где лежал покойник. И это до сорокового дня или до девятого дня стоит.

(д. Нижняя Золотица. Я. Пахолов, 1983 г. р.)

Нами записано большое количество фрагментов календарных обрядов¹³. Среди обрядов лучше сохранились святочная обрядность, ритуалы Страстной недели Великого Поста, купальские и некоторые другие.

Отметим то, что является региональным и характеризует золотицкую фольклорную традицию. Ряженных на святки называли *шулюкуны / чуликуны / шуликены*. Это же название святочных ряженных отмечено нами во время фольклорной экспедиции в 1993 году в д. Лопшеньге на Летнем берегу Белого моря. В пинежской традиции шуликуны – святочные духи¹⁴. Более известно позднее название ряженных – *маскерованные*. Просматривается взаимодействие с ненецкой культурой: ряженные рядились в *малицы* (ненецкая верхняя одежда из оленьей шкуры. – Н.Д.) Ряженные носили лодку, изображая поморов во время зверобойной компании. Среди записанных нами святочных гаданий локальными являются гадания на скатерти от *банника*.

В стакан смотрели. Берут скатерть баеничную. Когда невеста выходила замуж, делали банник, подарки зашивали. И вот, когда она уйдет к мужу, банник она расшивает, и оттуда дарит родственникам евоным: отцу, матери, сестрам... Вот эту скатерть брали баеничную, потом ложили тарелку, на тарелку золу, потом стакан ставили с водой. Вода,

чтобы была чистая, ни откуда-нибудь, а принесенная с реки. В стакан кидали кольцо, и в это кольцо смотришь...

(П. 354. Л. 68. д. ижняя Золотица. А.А.Пахолова, 1923 г.р.)

Гадали в канун Крещения в 12 часов.

Нами не обнаружено исполнение виноградий в святки, хотя они здесь бытовали. Удалось записать в двух вариантах колядку «Снежки пали...». Она имеет традиционную концовку:

Шиш, покатись, козульку за рожок,
Пирожок за коньячок, шанёжку за щепок.
Мы ходили, мы бродили из года в год.
У нашего хозяина коровы-то дойны,
Телята пойны, овцы шерстны,
Через заборы скачут, копытами шелкают,
Масло красно.

(П. 354. Л. 88. д. Нижняя Золотица, Е.Д.Голубина, 1928 г.р.)

На бытование колядки «Снеги на землю падали» в Верхней Мезени и Печоре обращает внимание С.И.Дмитриева¹⁵. В 2001 году эта же колядка была записана студентами Поморского университета в дельте Северной Двины (д.Пустошь) и в среднем течении реки Мезени (д. Бычье)¹⁶, что дополнительно свидетельствует об ареологической близости указанных регионов.

Во время Поста выделяется обрядность Страстной / *Страшной* недели. В Страстной / *Великий* четверг на утренней заре стригли волосы и ногти, считали деньги, девушки-невесты перебирали (*трясли*) наряды. Во время всей недели женщины устраивали коллективные избомытья.

Считали, что в Благовещенье (25 марта [7 апреля]) нельзя начинать новую работу. Егорьев день (23 апреля [6 мая]) считался лошадиным праздником. Для лошадей пекли специальный хлеб и заплетали им гривы. Коровий праздник – *Власьё*, день св. Власа (11 [24] февраля). На Троицу бытовали общерусские обряды с берёзой и берёзовыми ветками.

На Иван-день (24 июня [7 июля]) гадали на венниках, которые делали из цветов, например, из лютиков. Ими мылись в бане, а потом бросали через спину в реку Золотицу.

Поморский календарь существует в различных приметах. Считали, что на календарные праздники происходят «походы сёмги».

Так были походы-то. Вот на Ивановский поход. Потом на Петровский, потом в Ильинский, потом на Маковой поход 14 июля, потом на Преображение 19 августа. А потом к Третьему Спасу будет поход, потом на Богородицу, Сдвиженский, на Ивана Богослова, потом Покров Пресвятой Богородицы, Михайловский поход, последний поход – Митреевский на 9 ноября. Ведь море-то не закрыто, мужики-то ловят.

(П. 354. Л. 116. д. Нижняя Золотица. Л. И. Бронникова, 1930 г.р.)

Промысел морского зверя (тюленя) начинался на Евдокию 1 (14) марта. По различным приметам на календарные праздники замечали, каким будет лов рыбы и урожай ягод и грибов.

Там, где темно в море на Пасху, будет много сёмги.

Много звёзд на небе в 12 часов на Пасху – будет много морошки.

(Вариант: «*Морошку примечают в Пасочную ночь. Когда на снегу есть блеск – морошка будет*» д. Верхняя Золотица У.М.Чекалёва, 1917 г. р.).

Там, где больше льда у берега, будет много сёмги.

«*Если грибы будут да волнушки, это надо смотреть в Евдокейскую неделю (с 7 – 14 марта) – должно перемести дорогу*», (д. Верхняя Золотица У. М. Чекалёва, 1917 г. р.).

В Зимней Золотице зафиксированы поморские названия ветров (Север, Побережник, Запад, Шелонник/*Шолонник* и др.) и связанные с ними паремии и устные рассказы. Приведем наиболее типичный рассказ о свойствах Запада (западного ветра. – *Н.Д.*) и Шолонника (юго-западного ветра. – *Н.Д.*).

Вот ветер Запад – это хороший ветер, говорят. Ветер Запад – жена красивая, а у этого (ветра Шолонника. – Н.Д.) жёнка некрасивая. Значит, у Запада жёнка красивая, дак на ночь он тихнет, стихает, уходит у жены спать, а у эттого-то Шолонника жена-то некрасива, дак он неделями гуляет.

(П. 355. Л. 266. д. Нижняя Золотица. М. С. Рудаков, 1940 г.р.)

Отмечено существование поморской магии. Во время первого замёта на треску и селёдку бросали в море серебряные деньги. Во время шторма в море лили масло. После ледохода мыли

лицо водой из моря. Мыть должен был другой человек. Его называли *купельна крѣсна / купаленка*. По воспоминаниям золотичан, у многих купельной крѣстной была Марфа Крюкова.

Уходя в море, брали с собой на хороший лов *кулебяку* (кулебяка – пирог с рыбой. – Н. Д.). В день проводов на стол клали буханку хлеба и солонку, которые оставляли до следующего дня. Рыбакам на тоню, чтобы не погибли, жёны давали с собой морской песок. В понедельник нельзя было выходить в море. Существовал запрет на участие в проводах беременных женщин. Если помор погибал, то его имя давали новорожденному «для продления рода». Лучше всего было начать лов тайно. Для хорошего улова брали с собой клык морского льва.

Среди персонажей низшей мифологии выделяются образы лешего и водяного. Леший / лешачиха / *лесная ведьма*, по представлениям золотичан, не имеет бровей, лица лешего не видно. Он может принимать облик родственника. Оберег от лешего – рябиновая ветка.

Водяной / *чѣртушко*, по встретившемуся описанию, – полурыба-получеловек. Обитал в омутах на реке и в море.

Ловили неводом рыбу: попал то ли зверь, то ли человек, не знай: полу рыба-получеловек. Не знали, что с ним делать: убить – он, вроде, в комок соберѣтся, отпустить – опять расправится, так вот решили отпустить. Отпустили и рыбы много попало.

(П. 354. Л. 142. д. Нижняя Золотица. В. В. Бронников, 1947 г. р.)

Вариант водяного – *чѣртушко, чѣрный*, с волосами, с длинным хвостом. Пугает на тонях (промысловых избушках. – Н.Д.). В этом мотиве образ водяного сливается с образом домового. Чаще всего в этих быличках отсутствует имя персонажа, говорится «на тонях пугало». Единственный раз встретилась *хозяйка тонской избушки*. По описанию, женщина лет тридцати с распущенными волосами.

В золотицкой фольклорной традиции широкое распространение имеет образ домового. Чаще он встречается в обрядах новоселья. Разновидностью домового можно считать

ласку, которая живет в хлеве. По описанию, это маленький зверек, напоминающий горностаю. Избавиться от ласки можно при помощи козла и чертополоха. К духам домашних построек относятся встретившийся нам *амбарник* и *банница / жехоня / банная хозяйка*. В отличие от пинежской традиции образ *жехони* не имеет развитой мифологии. Наблюдается современная интерпретация образа *жехони*. О ней говорят: «...наподобие Бабы-Яги». Возникли новые мифологические образы – женщина в белом, появляющаяся в Верхней Золотице накануне какого-нибудь несчастья, и барабашка, заменяющий домового. Умение колдовать приписывается ненцам («ненцы знали колдовать»).

Как и на Пинежье, отмечено существование *икоты*, которую мы рассматриваем как дух болезни. В отличие от Пинеги икота, по свидетельствам, может заходить в человека мухой. В человеке одновременно может находиться две говорящие икоты.

Участниками экспедиции записано 60 текстов несказочной прозы. Это топонимические предания о происхождении названия Золотица (первопоселенцы вытащили семгу, у которой «около хвоста было червоное золото», и т. д. Первопоселенцами, по преданиям, были «новгородцы», «один сийский монах» (из Антониево-Сийского монастыря¹⁷. – Н.Д.), память о первопоселенцах сохранилась в названии охотников на медведей – ушкуйники). Обнаружены исторические предания о старообрядцах, которые «бежали от щепоти» и осели в окрестностях Золотицы, и о силачах. Приведем в кратком изложении один из сюжетов. Один татарин всё время брал дань с Зимнего и Мезенского берегов Белого моря. Для этого он устраивал кулачные бои и всегда побеждал. Но однажды победу одержал местный силач, который одним ударом вышибал угол амбара. После этого татарин ни разу не появился. В сюжете предания присутствует гиперболичность, корреспондирующая с эпической. Можно предположить, что образ татарина в предании восходит к былинке «Бой Добрыни и Алёши с татаринцом» (Марков, № 63).

В несказочной прозе и верованиях развит культ Николая Чудотворца, который считался покровителем поморов. О нем говорили: «*Никола Угодник – морской управитель*». Ему ставили часовни, брали с собой в море его иконы и молитвы, посвященные ему. Нами записаны три легенды о помощи Николая Чудотворца в море.

В Поморье распространены обетные кресты (по-местному, – «*заветные*», «*обветные*», «*обетованные*»). Их ставили по обету после возвращения с моря или после болезни около домов, на берегу моря, около *тонских* избушек. Один из крестов сохранился в Нижней Золотице около дома А.М.Каплуновой. После возвращения с моря по обету ходили на Соловки.

Быт и нравы поморов нашли отражение в различных паремиях, например:

Кто в море не бывал, тот Богу досыта не маливался.

Пост – на вожжи у моря сиди.

Конь да мужик – вековой позорник (*позориться* – мучаться, испытывать большие трудности, связанные с отлучкой из дома. – *Н. Д.*), баба да корова – векова домова.

Подведём некоторые итоги. Материалы, собранные участниками фольклорной экспедиции в Зимнюю Золотицу, свидетельствуют об исчезновении эпических фольклорных традиций и отмирании классических жанров фольклора. Носителями патриархальной фольклорной традиции являются преимущественно исполнители, родившиеся в 20 – 30-х годах XX века. Сохранились лишь «глухие» воспоминания об исполнении былин предшествующими поколениями и отдельные эпические формулы в других жанрах. Дольше бытует историческая песня. Одна из песен подверглась лиризации, что является отражением общенародных процессов. Дольше бытуют жанры, имеющие прикладное значение. Так, достаточно хорошо сохранился свадебный обряд. Мы полагаем, что для этого необходим высокий жизненный тонус местного сообщества. Только постоянное воспроизведение обряда способствует его трансмиссии. В Золотице постоянно игрались свадьбы, и это поддерживало знание свадебной обрядности. Гораздо хуже сохранилась календарная обрядность.

Верования золотичан являются типичными для севернорусской традиции, по сравнению с аграрными районами большую роль в демонологической картине играет водяной. Хорошо выражен фольклор речевых ситуаций (поморские приметы и поверья, пословицы и поговорки и др.). Вся жизнь Золотицы была связана с морем, и это наложило отпечаток на содержание традиционной культуры.

¹ *Ефименко П.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. – Кн. 5. – М., 1877 – 1878. – Вып. 1–2.

² *Марков А.* Беломорские былины. 1901 (далее: Марков...).

³ Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. Астахова А., Бородинина-Морозова Э., Колпакова Н., Митропольская Н., Соколов Ф. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

⁴ В кельях Ануфриевского скита обучали детей грамоте, т. к. школ не было.

⁵ Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. Алексеева О. и Емельянова Л. – Л., 1971. – 3 т. – № 105, 112.

⁶ Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. Алексеева О. и Емельянова Л. – Л., 1971. – 3 т. – № ПО.

⁷ Печорские былины и песни / Зап. и сост. Леонтьев Н. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979. – С. 325–326.

⁸ *Бернштам Т.* Следы архаических ритуалов и культов в русских молодёжных играх «Ящер» и «Олень» (опыт реконструкции) // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: Наука, 1990. – С. 17–36.

⁹ ФА ПГУ: П. №354. – Л. 3–46.

¹⁰ Ср. с текстом виноградия № 124: Песни Печоры / Изд. подгот. Колпакова Н., Соколов Ф., Добровольский Б. – М.; Л.: Наука, 1963. – № 124.

¹¹ *Бернштам Т.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX века. – Л.: Наука, 1983. – С. 124.

¹² ФА ПГУ: № 354. – Л. 47–57.

¹³ ФА ПГУ: № 354. – Л. 64–118.

¹⁴ *Дранникова Н.* Экспедиции Поморского университета // Живая старина. – 1999. – № 1. – С. 50–51.

¹⁵ *Дмитриева С.* Фольклор и народное искусство Европейского Севера. – М.: Наука, 1988. – С. 17.

¹⁶ ФА ПГУ: П. № 322. – № 20; П. № 345. – № 43.

¹⁷ Антониево-Сийский монастырь находится у истоков реки Сии, притока Северной Двины. Основан в первой четверти XVI века.